

О СТРУКТУРЕ НОРМЫ ПРАВА В КОНЦЕПЦИИ Л.С. ЯВИЧА

© 2011 Г.Р. Воронов

Самарский государственный экономический университет

E-mail: lvls@mail.ru

Рассматривается структура нормы права в концепции Л.С. Явича. В статье анализируются три основных элемента в структуре нормы права: гипотеза, диспозиция и санкция.

Ключевые слова: норма права, гипотеза, диспозиция, санкция, юридическая норма.

В советской юридической литературе активно исследовалась проблема не только содержания, но и формы права. Было принято выделять внутреннюю и внешнюю его формы. При этом под внутренней формой понималось строение юридических норм и системы права в целом, а под внешней - совокупность источников права.

Поскольку норма права является основным, базовым звеном в системе права, своеобразным кирпичиком в фундаменте правового здания, рассмотрим, в первую очередь, вопрос о ее строении (структуре) и вкладе Л.С. Явича в разработку этой проблемы. И здесь следует, прежде всего, отметить, что вопрос этот решался в науке весьма неоднозначно.

Так, Л.С. Явич обосновывал трехчленную структуру нормы права. Он исходил из того, что, формируя свою волю в праве в виде определенных правил поведения, государство указывает, при каких условиях необходимо руководствоваться данным правилом и каковы последствия нарушения данной юридической нормы. Соответственно этому государственное веление состоит из трех элементов: гипотезы, диспозиции и санкции. В совокупности они и составляют структуру юридической нормы - структуру содержащегося в ней государственного волеизъявления.

Диспозиция юридической нормы, как отмечал Л.С. Явич, представляет собой государственное волеизъявление, сформулированное в виде общего правила поведения, нормы, которая определяет права и обязанности субъектов общественных отношений. С помощью такого правила регулируется поведение людей, их общественные отношения. Следовательно, диспозиция юридической нормы составляет ее центральный, главный элемент.

Однако, по его мнению, нельзя себе представить юридические нормы без гипотез и санкций. Гипотеза - это часть волеизъявления, указываю-

щая на фактические жизненные условия, при которых субъекты должны исполнять сформулированное правило. Гипотеза выражает государственную волю в такой же мере, как и диспозиция, но носит по отношению к ней служебный характер. Санкция - тоже элемент волеизъявления в праве. Государственно-обязательный характер самого веления невозможен без указания на меры, которые следует применить к нарушителю установленного правила. Именно санкция определяет те специфические меры государственного воздействия, которые отличают способ охраны юридических норм от способов охраны иных социальных правил поведения.

Таким образом, Л.С. Явич подчеркивал единство трех элементов юридической нормы и определял ее как общее правило поведения, которое регулирует социалистические общественные отношения, указывая на условия своего исполнения субъектами этих отношений, их права и юридические обязанности, санкцию за неисполнение данной обязанности. В единстве элементов юридической нормы, как полагал он, выражается общеобязательность государственного волеизъявления в праве. Поскольку веление носит общий характер, необходимо указание на условия, при которых оно должно учитываться; поскольку веление носит обязательный характер, гарантированный государством, нужно указание на меры, которые могут и должны быть предприняты к тем, кто его нарушит¹.

Л.С. Явич возражал против высказанного в литературе мнения о том, что правовые нормы могут не иметь санкций, что появились и развиваются такого рода нормы права, которые обеспечиваются одной лишь сознательностью и общественным воздействием, что в социалистическом праве все больше становится норм-задач, норм-призывов и рекомендаций, исполнение которых не обеспечено государственным принуж-

дением². Соглашаясь в принципе с тем, что в советском обществе общеобязательность выраженной в праве государственной воли народа основывается, прежде всего, на сознательном и добровольном исполнении трудящимися предписаний права, а государственное принуждение является по отношению к убеждению подчиненным методом руководства обществом, он указывал, тем не менее, на то, что отрицание нормативности права, общеобязательности его предписаний, гарантированной государственным принуждением, не только могло бы принести вред научной разработке проблем социалистического права, но и не способствовало бы укреплению социалистической законности, совершенствованию правотворческой деятельности и систематизации законодательства, обоснованному применению норм права органами государственного управления и правосудия³.

Ряд ученых подвергал сомнению трехчленную структуру правовой нормы на том основании, что у ряда статей нормативных актов нет ясно выраженных гипотезы, диспозиции или санкции. Например, С.С. Алексеев высказывал странное, как считал Л.С. Явич, мнение о том, что структура реальных норм включает обычно лишь два элемента - гипотезу и санкцию⁴. На самом деле статья закона не тождественна юридической норме и является лишь формой (а подчас одной из форм) ее выражения. В статье может содержаться не одна, а несколько юридических норм или только часть нормы. Все это в значительной мере вопросы законодательной техники, которая имеет свои требования. Кроме того, следует учитывать теснейшую взаимосвязь, существующую между нормами права⁵. В отдельных случаях юридические нормы могут определять санкции иных норм и сами иметь соответствующую санкцию. Подчас одни нормы в своей диспозиции определяют гипотезы других норм.

Следует иметь в виду, по мнению Л.С. Явича, также относительность роли каждого из элементов правовой нормы. Если, например, с точки зрения граждан структура юридических норм уголовного законодательства выглядит в обычном плане, то с точки зрения суда, рассматривающего уголовное дело, гипотезой является описание состава преступления, а указание на меру наказания - диспозицией; санкцией в таком аспекте рассматриваемой нормы будут самостоятельные статьи об ответственности за неправомерный при-

говор, об отмене незаконных и необоснованных решений суда⁶.

То, что санкция присуща любой правовой норме, что нет и не может быть норм советского права, не защищенных на случай нарушения государственным принуждением, убедительно доказано О.Э. Лейстом в монографии, посвященной санкциям в праве⁷. Правда, он заменяет понятие “элемент юридической нормы” термином “атрибут”: гипотеза и санкция являются у него атрибутами юридической нормы, а диспозиция - самой юридической нормой. Эта идея О.Э. Лейста получила дальнейшее развитие, причем в учебной литературе. Так, в одном из учебников по общей теории советского права говорилось: “Если норму права определять как “правило поведения людей”, а диспозицию как “указание на само правило поведения”, то уже по правилам логики следует, что “гипотеза” и “санкция” не могут рассматриваться как “составные части” правила поведения. Указанные затруднения преодолеваются, если признать, что диспозиция - это и есть правовая норма”⁸. Л.С. Явич усматривал в этом стремление к компромиссу с теми, кто отрицал трехчленность структуры юридических норм. Однако подобные рассуждения представлялись ему неубедительными. Во-первых, пишет он, если правило поведения само по себе и есть юридическая норма, то оказываются правы те, кто полагает, что для нее не обязательна санкция, ибо атрибут может быть или не быть, потому-то он и является атрибутом, неким дополнением, приложением и т.п. Во-вторых, и это главное, юридическую норму нельзя сводить к правилу поведения. Юридическая норма - единство содержания и соответствующей ей формированности. Содержание - государственное веление; оно формируется как общее правило, которое применяется при определенных условиях и нарушение которого влечет определенные последствия. Государственное волеизъявление содержится во всех трех элементах нормы, а не только в самом правиле, хотя последнее служит связующим и главным звеном остальных частей юридической нормы⁹.

Рассматривался и еще один аспект проблемы. Некоторые авторы ошибочно, по мнению Л.С. Явича, полагали, что могут быть “конкретные” (индивидуальные, персонифицированные) юридические нормы, т.е. такие, которые не содержат общего правила поведения, в какой бы форме оно ни было сформулировано¹⁰. В данном

случае юридическая норма подменялась актом применения права. Такого рода мнение, как считает он, было основано на методологически неточных позициях и по существу могло привести к весьма нежелательному с точки зрения законности смешению нормотворческой и нормоприменительной деятельности государства.

Так, М.П. Карева и А.М. Айзенберг писали о том, что индивидуальными являются юридические нормы, которые на основе общей нормы формулируют правило для определенного лица или имеют в виду единичный случай либо факт¹¹.

Ясно, что здесь речь не идет о каком-либо формулировании правила поведения, ибо оно дано в общей норме, которая и служит регулятором общественных отношений, а не только индивидуально-определенного поведения. Судя по последующим работам указанных авторов, они более не возвращались к подобной позиции, однако время от времени появлялись иные исследования, в которых вновь проскальзывала идея “конкретных” юридических норм.

О “персонифицированных юридических нормах” писала, например, Ц.А. Ямпольская. Так, акты Верховного Совета СССР об образовании правительства, по мнению Ц.А. Ямпольской, являлись как раз такими персонифицированными юридическими нормами, поскольку имели значение для всех граждан¹².

Л.С. Явич с такой позицией не соглашался, полагая, что здесь смешивается значение акта с его юридической природой, характеризующей этот акт как разновидность применения права, благодаря которому формируется соответствующий государственный орган¹³.

В.В. Копейчиков также высказывал мысль о том, что есть “конкретные” нормы, которые формулируют правила для определенного лица или предусматривают единичный случай не на основе общей нормы, а при ее отсутствии (о проведении юбилея, об установлении цены конкретного уникального изделия и т.п.)¹⁴.

Л.С. Явич указывал на то, что чаще всего такого рода акты являются правоприменительными, и те примеры, которые приводил В.В. Копейчиков, подтверждают это. В случаях же, когда издается индивидуальное предписание, не основанное на юридических нормах, оно либо находится непосредственно вне правовой формы регулирования (хотя может ей и не противоречить, быть правомерным), либо становится общей юри-

дической нормой в результате дальнейшего его неоднократного применения и в конце концов получает соответствующее отражение в законодательстве. В условиях развитого права такие случаи единичны, в принципе маложелательны и не могут считаться закономерностью¹⁵.

Г.И. Хайдас отрицал наличие общих правил в предписаниях плановых актов, таким образом ставя под сомнение важность для юридических норм той части, которая охватывается диспозицией, утверждая, что юридические нормы могут не содержать общих правил¹⁶.

Подвергая тщательному анализу данные и подобные высказывания, И.С. Самошенко убедительно доказывал, что юридическая норма, являясь всегда регулятором общественных отношений, отличается от иных частей правовых актов общим характером содержащегося в ней веления¹⁷. Л.С. Явич полностью это положение разделял.

Таким образом, Л.С. Явич был убежден в том, что трехчленная структура норм советского права несомненна, непризнание этого логически ведет к отрицанию специфичной для государственной воли в праве общеобязательности как структурной, внутренней формы права. Максимально способствовать тому, чтобы такая структура наилучшим образом формулировалась законодателем, - в этом Л.С. Явич видел одну из задач юридической науки. Он отмечал, что четкая формулировка общего правила (диспозиции), рассчитанного на регулирование типичного варианта поведения субъектов общественных отношений, ясное определение обстоятельств, при которых оно должно быть применено (исполнено) соответствующими субъектами права (гипотезы) и неперемное указание на меры, которые последуют в случае неисполнения установленного правила (санкция), - условия, обеспечивающие эффективную реализацию нормы права¹⁸.

Еще один дискуссионный вопрос, который нельзя не затронуть при обсуждении вопроса о структуре правовой нормы, - это вопрос о том, реальна ли подобная трехчленная структура нормы права или о ней можно говорить лишь в чисто логическом плане? Л.С. Явич останавливается на этом вопросе весьма подробно. Он указывает на то, что структурность государственной воли в праве, в частности, отдельного волеизъявления в юридической норме - свойство, объективно принадлежащее внутренней форме права. Иное дело, что эту фактическую, реально суще-

ствуюющую структурность не всегда легко обнаружить, поскольку она часто скрывается под различными словесными формулировками, а сами нормы могут содержаться не в одной, а в нескольких статьях закона, не в одном, а в ряде нормативных актов. Поэтому Л.С. Явич высказывал критические замечания в отношении термина “логическая” структура правовой нормы. Он допускал, конечно, что все, что содержится в юридической норме, можно в известном смысле понимать как логическое, как результат работы человеческого разума и в этом смысле идеальное. Однако мы не говорим о логическом содержании, о том, что воля есть “логическое” содержание юридических норм, ибо важно подчеркнуть реальность и объективацию этой воли. Точно так же, по мнению Л.С. Явича, следует подходить и к структуре государственной воли в праве. Структура юридических норм, как и структурность права, - объективные свойства внутренней формы права, существующие в реальной действительности, а не выдуманные юристами для удобства пользования или изучения закона. Структурность юридической нормы есть то, что придает волеизъявлению качественную определенность. Когда такая качественная определенность отсутствует, не соблюдена при издании закона, то надеяться на его специфически юридическую силу трудно, а это значит, что в данном случае возможности правового регулирования в полную меру не используются и закон, если и действует, то в силу иных своих свойств (авторитета государственной власти, морального содержания и т.п.). Такие случаи встречаются в основном из-за недостатков в области юридической техники. Л.С. Явич делал акцент на том, что данные недостатки не должны оправдываться общей теорией права, поэтому не следует оговаривать, что трехчленная структура юридической нормы носит лишь “логический” характер. Он подчеркивал, что структурность юридической нормы реальна и объективно необходима праву. Следует стремиться к тому, чтобы эта необходимость находила воплощение в каждой юридической норме. Вне деятельности людей не может проявляться ни одна закономерность общественной жизни, в том числе и права. Важно понять объективный закон данного социального явления и использовать его для достижения поставленных целей. Трехчленность структуры юридических норм, по мнению

Л.С. Явича, - объективный закон, который можно и нужно использовать для получения максимального эффекта от законодательства.

Непосредственное содержание законодательства, как отмечал ученый, отнюдь не сводится, да и не может сводиться, только к юридическим нормам. В законах содержатся преамбулы (для разъяснения смысла принятой меры), рекомендации и призывы, определения тех или иных юридических понятий и т.п. Все это может быть необходимым и полезным для правового регулирования, для действия заключенных в законе юридических норм. Однако когда есть необходимость выразить общеобязательное веление, оно должно получить свойственную ему структуру, а за счет только формулы данного закона и статьи, или опираясь на иные, уже действующие нормативные акты, - это зависит от юридической техники.

Л.С. Явич выделял определенные и относительно определенные гипотезы. Они могут быть выражены в более или менее категоричной форме, охватывать отдельные факты или предполагать действие правила при любых условиях. Нередко для нескольких норм предусматривается одна общая гипотеза, она может быть выражена законодателем в качестве гипотетического суждения (“если - то, тогда...”), но чаще вытекает из текста статьи закона без такой формы выражения. Диспозиции, как отмечал ученый, формулируются как управомочивающие, обязывающие, запрещающие веления, даже как рекомендации и поощрения, но они всегда содержат права и юридические обязанности. Диспозиции могут быть более или менее определенными или бланкетными. Неопределенные диспозиции, по мнению Л.С. Явича, противоречили бы принципам социалистической законности. Санкции Л.С. Явич подразделял на штрафные (уголовно-правовые, административные и т.д.) и восстановительные, а также допускал деление их по степени определенности, подчеркивая при этом, что в советском праве нет неопределенных санкций.

Таким образом, все это дает законодателю широкие возможности для того, чтобы избрать наилучший для юридической нормы способ ее выражения в законодательстве, но вместе с тем требует значительной квалификации тех органов, на которые возлагается функция подготовки проекта того или иного нормативного акта¹⁹.

¹ Явич Л.С. Право и общественные отношения (Основные аспекты содержания и формы советского права). М., 1971. С. 65-66.

² См., например: Ромашкин П.С. О роли убеждения и принуждения в Советском государстве // Советское государство и право. 1960. № 2; Голунский С.А. К вопросу о понятии правовой нормы в теории социалистического права // Советское государство и право. 1961. № 4.

³ Явич Л.С. Указ. соч. С. 66-68.

⁴ Алексеев С.С. Общетеоретические принципы исследования структуры права // Советское государство и право. 1971. № 3. С. 41-50.

⁵ Шейндлин Б.В. Сущность советского права. Л., 1959. С. 7 и след.

⁶ Явич Л.С. Указ. соч. С. 68.

⁷ Лейст О.Э. Санкции в советском праве. М., 1962.

⁸ Цит. по: Явич Л.С. Указ. соч. С. 69.

⁹ Явич Л.С. Указ. соч. С. 69.

¹⁰ См., например: Голунский С.А., Строгович М.С. Теория государства и права. М., 1940. С. 246-250.

¹¹ Карева М.П., Айзенберг А.М. Правовые нормы и правоотношения. М., 1949. С. 19, 55.

¹² Ямпольская Ц.А. О правовой норме и правовом отношении // Советское государство и право. 1951. № 9.

¹³ Явич Л.С. Указ. соч. С. 69-70.

¹⁴ Копейчиков В.В. Правовые акты местных органов государственной власти и управления в СССР: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1952. С. 13.

¹⁵ Явич Л.С. Указ. соч. С. 70-71.

¹⁶ Хайдас Г.И. К вопросу о правовой природе государственных народнохозяйственных планов // Советское государство и право. 1961. № 1.

¹⁷ Теоретические вопросы систематизации советского законодательства / под ред. С.Н. Братуся, И.С. Самощенко. Гл. II. М., 1962.

¹⁸ Явич Л.С. Указ. соч. С. 71.

¹⁹ Там же. С. 71-74.

Поступила в редакцию 05.04.2011 г.